

УЧИТЬСЯ! УЧИТЬСЯ? УЧИТЬСЯ...

Владимир Ланцберг

1. Мы все учились...

Давайте поменяем министра образования! Любого. На любого другого. Посадим в кресло сразу двоих. Потом на пару лет уволим обоих без замены. Вот увидите, ничего не изменится. Они все одинаково хороши и одинаково ни на что не годятся. Точнее, на что угодно, кроме образования. Футбольный тренер сказал бы, что они «не видят поля».

Нет, они не дураки и не дилетанты. Напротив, они всё делают правильно. В том-то и беда. Во всём мире правильные министры строят правильные школы, в которых правильные учителя пытаются чему-то научить неправильных детей.

А где-то уже и не пытаются: бесполезно. поголовно неправильные дети не хотят учиться. Не хотят ходить в школу. Не любят её.

Трудно любить школу. Она мало приспособлена к тому, чтобы в классе у ребёнка были только друзья и не было врагов. Чтобы дети в процессе совместного пребывания могли сдружиться. Чтобы все предметы или хотя бы учителя были интересны. Чтобы хотелось учиться.

— Ребята, кто хочет учиться?
Не «ходить в школу», а именно учиться?

Ответ известен: единицы. Доли процента. Те, кто в силу тех или иных редких обстоятельств (рано проявившиеся способности, семейные традиции) сизмальства начал добиваться успеха в какой-то области и выбрал свой путь. Или просто имеет серьёзные намерения «по жизни».

На продвинутом семинаре я узнал, что школьные инновации можно разделить на новую организацию жизни детей в школе, новое содержание образования и новый методический «орнамент». Последнее, как я понял, относится к дидактике.

В школе, где доучивается мой сын, жизнь ребят организована — лучше некуда, и заведение не зря на хорошем счету. Придя домой, юноша долго и с энтузиазмом рассказывает о том, какие хорошие в классе ребята, какую они сделали газету, какой будет КВН, куда пойдут в поход или поедут на каникулы, какая роль ему предложена на празднике посвящения первоклашек... После чего нехотя принимается за уроки.

Методических орнаментов я тоже видел немало, и довольно экзотических. Может, самый лучший способ дидактической анестезии — «опорные сигналы». Нечто мнемоническое. Эффективнее этого только обучение во сне. А в принципе — чего только люди не придумают, чтобы учиться, когда не хочется!

В отдельных кругах ещё бытует такое мнение: наша школа — лучшая в мире. Наши ребята привозят медали с престижных международных олимпиад по арифметике, истории с географией, хакерскому ремеслу. Там они «впереди планеты всей». Легко? Да нет, вроде бы, в напряжённой борьбе. Теперь уже — за вторые места. Значит, не только мы — лучшие?

Спросите у учителя что-нибудь по его предмету. Чаще всего он ответит сразу. Но не исключено, что и не сразу: эту тему проходят в десятом, а он сейчас ведёт уроки в восьмых, посему кое-что надо освежить в памяти. А теперь спросите у математика что-нибудь по биологии. Или наоборот. Смешно?

А от школьника требовать, чтобы он всё это *знал*, не смешно? Понимаю, неплохо *б имать представление* о том, чем растения отличаются от животных, а рабочладельческий строй — от феодального. Но заучивать, отвечать у доски и в идеале помнить всю оставшуюся жизнь, что «в соответствии с политическим и экономическим курсом Петра I после кончины патриарха Адриана (1700 г.) во главе церкви оказался не новый владыка, а управляющий патриаршим престолом Стефан Яворский»? Может — бог с ним, с Яворским? Суть ведь в том, что Пётр видел свою задачу в укреплении власти, а для этого надо было сконцентрировать её и подчинить церковь государственным, светским структурам?

Тогда давайте не будем морочить голову ни себе, ни ему — никому. Давайте не будем его *учить*. Многие так и делают — американцы, например. Почти не учат. Их школьники вместо груды учебников таскают одну толстую книгу с картинками (почти комиксами), именуемую «Наука». И предмет называется так же — вместо всех наших алгебр, геометрий, химий, физик, историй... И раскрывают они её один раз в неделю. В ос-

тальные дни ходят по музеям, ездят на экскурсии, устраивают шоу и соревнования, играют в баскетбол — очень много баскетбола. Это полезно для позвоночника и цвета лица.

Не могут отличить ромашки от лютика? Не знают про Аустерлиц и Ватерлоо? Не умеют грамотно писать? Вырастают балбесами? Да, но без болезней и комплексов. На стезю таких выпускать нельзя, поэтому их держат ещё год-два — и всё-таки выпускают: делать-то нечего! И вообще — стезя обтешет.

Наши тоже выходят в значительной части жизнерадостными инфантами (чтоб не сказать — «полудурками»), успешно освоившими полный курс школьного туалета — этика и психология семейной жизни, криминалистика, наркология, современный русский... Либо заморышами с личиками цвета хаки... И всё же наши заморыши грамотнее их балбесов.

Дело, похоже, не в школе вообще, а в чём-то другом. В том, что происходит *после неё*. А «после неё» происходит вот что. Экс-ребёнок, к тому времени слегка возмужавший и, как бы то ни было, поумневший, получает некоторые права и, по совокупности, несколько более высокий социальный статус. Тут как раз всевозможные обстоятельства припирают его к стенке, когда деваться некуда, надо зарабатывать. Иницируется процесс скоропостижного самообразования и прочего саморазвития, протекающий лавинообразно по причине наличия положительной обратной связи составляющих.

Тогда понятно, почему школа может являть собой продвинутый детский сад и спать спокойно. О чём в таком случае говорить? Какие нужны программы? Реформы? Может, вообще не надо никого учить — всё само образуется либо рассосётся? Просто пасти, и чтоб не убежал.

Но богатенький суперцивилизованный мир, штампующий балбесиков, подсасывает извне китайских, индийских, русских учёных, программистов, инженеров... Обученных! И желательно — молодых!

Да просто из соображений здравого смысла понятно, что *учить надо*, точнее — *не учить жалко*: в момент обретения полной (физической, юридической и пр.) дееспособности индивид должен уже *вовсю действовать, а не вникать*. Выходит, базу нужно закладывать в детстве, больше некогда.

Может, дело не столько в том — *чему учить*, сколько в том — *как?*

2. ...Как-нибудь...

Хочется быть «крутым». Томит жажда статуса. Каждая личность правомерно хочет что-то значить, кем-то быть. Или слыть — до определённого момента это неразличимо. А ещё — жажда могущества.

Но для всего этого нужны основания. Одно из них — возраст. Он открывает ряд возможностей, хотя и не всё. Другое — знания, умения. Третье — заслуги, авторитет. Что доступно ребёнку? Первое — вряд ли. Второе и третье — как повезёт.

Учиться тому, что предлагает школа, дети в основном не хотят. Они не понимают, зачем именно сегодня, когда так приятно греет солнышко и надо отдавать червонец долгов за курево (а где-то ж этот червонец ещё и раздобыть!), зачем именно сегодня им велено вникать в существование и единственность параллельного переноса, измерение диэлектрической проницаемости и бесполое размножение. Они подозревают, что для того, чтобы считаться образованным человеком, это нужно не менее, но и не более, чем знание трансманентности непараллельных прямых, вариативности антигравитационной константы и квазиклеточной вегетации. Которых нет ни в учебнике, ни в науке, ни, кажется, в природе (потому что я только что придумал это сам).

И я подозреваю, что появление тех или иных учебных тем в программе вызвано не столько суровой жизненной надобностью или хотя бы представлениями о содержимом «джентльменского набора» сведений для будущего члена общества, сколько личными и корпоративными интересами авторов учебников, учёных и политиков.

Почему же так рвётся в первый класс дошкольник?

Потому, что с 1 сентября для других дошкольников он будет более «крутым». Скоро, скоро он поймёт, что на самом деле ему хотелось *слыть* школьником, но не *быть*: лямка первоклассника более тяжела и безрадостна, чем «подготовишки».

Внутришкольная иерархия уныла и рутинна. Где-то в середине её «повышение в звании» почти перестаёт ощущаться. Немного спасали «праздники»: первоклашка рвался в октябрята, октябрёнок — в пионеры и т.д. Но пяти-шестилетнее пионерство, не наполненное, по сути, никаким смыслом, начинало тяготить. И домоощенные партийные психологи придумали «пионерские ступени», что, в общем-то, ситуации не изменило.

Все эти школьные передвижки были скорее грустны, нежели радостны, ибо почти не связаны ни с учёном, ни со становлением личности в целом. Хочешь не хочешь, а в следующий класс переведут и в комсомол загонят. Неизбежно и неотвратимо.

Так что статус, сопряжённый с учёбой, выглядит как-то неубедительно.

А что же третья часть — заслуги и авторитет? Увы, это такой же удел самородков, как и ранняя мотивация саморазвития. Для того чтобы обретение реноме стало достоянием

детских трудящихся масс, нужен педагогический менеджмент. Хорошим, хотя и виртуальным, менеджером был небезызвестный Тимур — лидер «его команды». С несколькими более-менее квалифицированными тимурами я знаком. Детскую жизнь они организуют, статусам способствуют, но учёбы около них нет.

Юное создание переполнено насущными потребностями, в частности — в могуществе и социальном статусе, но отсутствующие общедоступные структуры (школа, семья, улица) практически не способны их удовлетворять.

Школа даёт возможность развиваться, но по своему (не ребёнка, а учреждения) типовому плану и на своих условиях. До личной жизни и потребностей «клиента» ей в учебной части нет дела, а во внеучебной — времени и средств.

Известно, что никакое количество крепких и понимающих в напитках мужиков не заставят лошадь пить, пока она сама не захочет. А не захочет — тогда без разницы, чем кормить: всё едино помрёт.

Вот где оно не срастается! Школа, как бронепоезд, катит по рельсам, свято веря, что едет туда, куда надо, что в каком-то приближении верно. И катит, как ей кажется, по прямой. «Клиент», сиречь ученик, рано или поздно тоже попадёт куда-то туда, потому что жизнь заставит. Но в каждый конкретный момент детства вектор его интересов и желаний смотрит в самые невероятные стороны, и чаще всего не туда, куда зовут рельсы. При этом он живёт своей естественной жизнью, а школа — жизнью усреднённого болванчика, каковым представляется ученик планировщикам дозволенного образовательного маршрута. Таких детей в природе не бывает, в смысле, среди живых.

Хотите построить правильную школу — спросите меня, как. Я в таких случаях делаю две вещи. Первое — гибкие рельсы с переменным вектором тяги. Второе — упорядочение вращения ученичьей головы, причём на добровольной с его, ученика, стороны основе.

Что для этого надо? Увы, много денег. Поначалу. Потом они начнут возвращаться, невостребованные милицией, тюрьмами, экономикой, медициной, «социалкой»... Правда, это недоказуемо, так что забудем пока.

Но вот деньги есть, всё куплено и обустроено. Это означает, что в классе можно не только учиться, но и работать: имеется в минимальном количестве самое необходимое оборудование. Можно сидеть за партой или валяться на полу. Можно прийти и уйти в любое время. Пробыть весь день и даже при необходимости заночевать — наличествуют пенополиэтиленовые коврики и спальные мешки. Можно вскипятить чай в классе или заправиться более капитально в школьном пищеблоке, где реально снискать горячий ужин. Короче, можно жить.

Собственно, здесь и предстоит жить, не забывая, правда, о доме отчем, своих делах и обязанностях в нём. То есть — на два дома.

Фактически уйдя от родителей, братьев и сестёр? Кто сказал такую глупость?! Наоборот, вместе с ними — и в классе, и в мастерской, и в спортзале... В мастерской, кстати, можно изготовить что-нибудь для дома: она оборудована лучше домашней. А пропуском для родителей во все эти хоромы и закрома будет их ребёнок.

Сначала — класс. Откуда он берётся? Из приказа по школе: «Зачислить в 1-Б Иваненко, Петрухина, Сидоряна»? Ни в коем случае! У каждого

класса — свой генезис. В 1-А приглашала ребят Анна Петровна. Так сказать, к себе. Кто она такая, не надо рассказывать никому не только в микрорайоне, но и в городе. Так что с желающими проблем не было. В 1-В звали тех, кто любит возиться с растениями и животными. А вот 1-Б вообще не формировался. Просто выпускники детсада (у нас ведь школа-комплекс, а как иначе?) не пожелали расстаться с Ириной Сергеевной, и она перешла с ними в первый класс. Сколько лет она проведёт со своими «воробушками», никому не ведомо. Либо пока они не устанут друг от друга, либо пока она не исчерпает *свои возможности для их роста*, либо пока класс, как неформальная группа, не дойдёт до рубежа, за которым необходим её роспуск, перетасовка состава.

Самое главное: каждый класс в этой школе — неформальное сообщество, клуб. После того, как в нём оказываются первые несколько человек, приём следующих происходит при участии тех, кто уже есть. Скорее всего, возьмут почти любого желающего, но кое-кому могут поставить условие вроде «не убий, не укради», иначе... Видимо, такова репутация. В крайнем случае, могут и выгнать — придётся искать, куда бы податься. Конечно, на потоке есть ещё класс с литерой «О» — обычный, как в обычной школе конца XX века, где никакого клуба, диктат учителя, фронтальная диспозиция паствы перед пастырем, привычный распорядок дня...

Классы при этом могут получаться разновозрастные (экстернат — обычное явление) и разноуровневые, когда в, условно говоря, шестом учатся и пяти-, и семиклассники. А что такого? В основе основ — индивидуальный учебный план.

Вообще, команда — великое дело! Вы не пробовали играть в прятки в одиночку? До середины получается, а дальше — тишина. В жизни немало всякого такого интересно, что скучновато или трудновато в одиночку. Экспедиция, футбол, любовь, вытаскивание бегемота из болота... И сама жизнь, если ты никому не нужен. Потому так много поговорок, начинающих со

слов «на миру...» или «за компанию...». Круг друзей как раз и решает важнейшую проблему *прикаянности*, а деловой круг, более того, *востребованности*. В нашей школе ребята в основном деловые, озабоченные. «Что наша жизнь?» *Самореализация!*

Вот тут и начинается самое главное.

1. Учиться ребёнок, как правило, не хочет. Вернее, не хочет учиться «всухомятку», ради учёбы или «для порядка».
2. Но хочет психологического комфорта, прикаянности, востребованности, самореализации, полноты эмоций, свободы и наличия «взрослых» возможностей, «взрослого» могущества (над природой, вещами, социумом), «взрослого» социального статуса.
3. Если у ребёнка появится замысел, реализовав который, он получит что-либо (а лучше — сразу многое) из этого списка, он постарается осуществить задуманное. Даже ценой преодоления определённых препятствий — и внешнего, и внутреннего свойства. Преодолимых, разумеется.
4. Этими препятствиями могут быть, в том числе, незнание чего-либо или неумение что-либо делать, отсутствие навыков.
5. А кто сказал, что эти ЗУНы (знания-умения-навыки) — не из школьной программы?

Не ослабляйте внимания!
Повторяем другими словами:

1. Мы не предлагаем ребёнку *учиться*. Конечно, оно неплохо бы, но... Мы ж все люди, всё понимаем....
2. Поэтому мы предлагаем ему *Дом*. Где ему будет хорошо. Где его ждут

друзья. Где есть масса возможностей, которых нет больше нигде. Где есть перспективы.

3. Он может принести сюда значительную часть своей жизни. Свои планы. И уже здесь увидеть, что бывают идеи, проекты, сама жизнь — гораздо более интересные, чем те, что он мог себе представить. И именно здесь они осуществимы. Есть средства, консультанты, рабочий коллектив. И он принимается за дело.

Остаётся «вогнать» это в систему и навесить контроль полученных знаний. Это нелегко, но практика (была, была!) показывает, что можно.

Не так уж сложно сделать трансформируемый класс, где парты сдвигаются в сторону, раскатывается ковёр, и все общаются, лёжа на пузе. Носами друг к другу (типа «солнышко»). А вдоль окон — верстачок с тисочками, швейная машинка... В уголке — компьютер. В другом — электрочайник. Гитара на стенке. Много денег на спецоборудование, может, и не понадобится: половина его — дарёное «б/у» или вообще самоделки.

Но, конечно, «деятельностная» школа — это, прежде всего, спецподготовка классного наставника. Он — «пилот»; перед ним — маршруты саморазвития каждого из полутора-двух десятков его подопечных, включающие программы тех классов (в смысле, учебных курсов, уровней), которые должны пройти за год те или иные из ребят. Пункты программы осваиваются далеко не всегда в той последовательности, которая принята в «нормальной», классно-урочной школе, и приходится иметь это в виду, держать на заметке появляющиеся в маршрутных картах «дыры». Плюс где-то — забегание вперёд, где-то — латание «дыр» прошлых лет.

Специфика учебного процесса допускает некоторый оговорённый процент невыполнения плана, как и досрочного освоения определённой части материала — при том, что общий объём работы держится в пристойных рамках.

Наш «классрук»-пилот — ещё и «ситуатор»: отслеживая жизнь группы (дела, планы, пейзаж за окном автобуса, везущего класс на экскурсию) и сопоставляя всё это со школьной программой (вообще говоря — со всей, за все годы), он должен ловить каждый шанс для «раскрутки» того или иного блокка, темки. Допустим, мы едем по открытой местности и видим триангуляционную вышку или телеретранслятор. Можно их проигнорировать, можно сказать, как это называется, а можно и рассказать, для чего это нужно, и что виной всему — кривизна земной поверхности, более того, шарообразность Земли. Тема? Горизонт из курса природоведения для младших классов. Как раз тех, что сидят в автобусе. А тому, кто постарше, можно напомнить, что радиоволны УКВ-диапазона Землю не огибают, а распространяются в пределах прямой видимости и требуют наличия таких вот ретрансляторов.

В нашей практике (автор участвовал в создании прообраза подобной школы) разрабатывались специальные «картотеки учебных тем» и «картотеки дел», позволяющие учителю быстро сориентироваться, о каких интересных и увлекательных вещах (клин, плавление, смачивание, нагревание при ударе) можно порассуждать, если весь класс или отдельные его представители постигнет вскапывание грядки, пайка провода, забивание гвоздя...

И, наоборот, на какие подвиги можно попытаться спровоцировать юного индивида или группу товарищей, чтобы они могли между делом постичь

глубинный смысл реакции обмена. Это требует от педагога определённой настройки мозгов, но если он когда-либо сам учился в школе, ничего фантастического в этом требовании нет.

Итак, наш классный наставник — это:
— социотехник, социопсихолог:
он создаёт корректное, эффективное, бесконфликтное *неформальное сообщество-клуб как основу учебной группы*;

— психолог и психотерапевт: он сознательно использует возможности комфортной, дружественной, педагогизированной среды для корригирования психологических особенностей её обитателей;

— менеджер: он создаёт *пространство саморазвития, мотивационную среду*; организует точки приложения деятельности группы и отдельных её членов, их реальную востребованность;

— педагог и философ: он озабочен *нравственным воспитанием* своих подопечных на основе гуманистической системы ценностей, которую ему прежде всего потребуется «защитить» перед общественностью вновь созданной группы;

— «пилот»: он ведёт весь класс и каждого ученика по пути учебного процесса; способствует формированию личности в рамках граничных условий вышеупомянутой системы ценностей;

— «мастер»: он «по жизни» умеет что-то делать профессионально, может предъявить результаты своей реальной деятельности и увлечений, хорошо бы — в нескольких очень разных областях (широта кругозора всячески приветствуется);

— просто человек (в смысле — не бог, не супермен), со своими достоинствами и недостатками, которые не должны мешать его работе, общению; он прежде всего порядочен, добросовестен, самокритичен, адекватен.

Дальше — просто. Идёт жизнь. В ней не только всё выглядит по-настоящему;

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

она и есть настоящая — с реальными, не игрушечными замыслами и результатами, настоящими заработками, взрослой ответственностью, максимально глубоким уровнем самоуправления (так что взрослых времени просто не видно). Жизнь с колоссальным желанием жить всё «круче», решать всё более сложные и значимые задачи.

И тут, в разгар чего-то происходящего, возникает наш учитель, который просто фиксирует момент, «останавливает мгновение». И оказывается, что падающая капля — это и гравитация, и свойства шара, и поверхностное натяжение, и особенности вещества, находящегося в жидком состоянии...

А иногда ученику приходится самому искать учителя, чтобы спросить, как решить ту или иную деловую задачу. Правда, задача из деловой тут же будет превращена в учебную, но это даже лучше: освоив её решение, впредь в аналогичных случаях можно будет действовать самому.

Остаётся добавить две вещи.

Первое: «Обучение через деятельность» доминирует в начальных и средних классах. «Сухих» знаний в их программе не так уж и много, зато понятийный аппарат складывается в основном на этом этапе. И понятно, что наша типовая «вербалка» — это, как говорят восточные мудрецы, «я слышу — и я забываю». А наша «Школа саморазвития», где, пытаясь сделать зарядное устройство для аккумулятора, мы *открываем закон Ома для участка цепи*, — это «я делаю — и я понимаю»!

Потом, в старших классах, мы в основном вернёмся к классно-урочной системе: плотность «информации

к поглощению» по программе резко возрастает, и «через деятельность» мы можем многого не успеть.

Но теперь это и не страшно: мотивация учения как такового, в основном, сложена; отращения к школе и её предложениям нет, ибо есть доверие. Кроме того, узнано, перепробовано и переделано столько всего *разного*, что у каждого сложилось представление о своём предназначении, выбран более или менее адекватный «уклон» обучения, и в программе гораздо больше нужных компонентов, чем ненужных. К тому же и сам классно-урочный режим ближе к вузовскому: начинаем привыкать.

Второе: школа-комплекс. Зачем?

Ну, один ответ уже дан: комфортная группа детского сада становится школьным классом без потери педагога. Кроме того, самоуправление в группе начинается с «дошкольного» возраста (в экспериментах автора это успешно делалось с шести лет), и желательно сохранить наработанный стиль отношений и образ жизни после перехода на школьный уровень. Плавное перетекание даёт и уникальную возможность постепенно менять режим дня и рацион питания малышей в то время, когда программа развития уже вовсю идёт по школьному плану.

А ещё учтём, что мы довольно рано начинаем заниматься серьёзными вещами на серьёзном уровне (в практике автора художественная фотография — с четырёх лет, радиоэлектроника и туризм — с пяти), и нам уже не хватает детсадовских мощностей «на коленке»; нужны настоящие лаборатории и мастерские. И в них мы будем работать вместе с семи-, восьми-, девятилетками. У нас появятся замечательные молодые шефы и инструкторы, а у них — благодарные ученики и подопечные. Это ли не благо!

3. ...Чему-нибудь?

Короче — вот школа, где дети хотят учиться. Именно учиться. «Оно им надо!» И тут я должен сознаться, что лукавил, говоря, что всё равно — чему. Не всё равно. Тем более когда понятно, зачем. Итак, содержание образования.

Первый блок — *информационный*. Как устроен мир. Вселенная. Вещество. Человек. Общество. Здесь — основные законы природы. Основные принципы существования человечества. Основные уложения государства.

Рядом — *блок основных умений*. Как правильно перейти улицу. Как пользоваться нотариатом и судом. Как приготовить пищу, выжить в природных условиях, починить электрическую розетку, вырастить картошку, укоротить длинные брюки...

Третий блок — *научный*. Задача — не *набить* ненужной информацией, а *сформировать мышление*. Специфическое в каждой сфере, с пониманием специфики. В том числе и методов познания. Конечно, математика. Физика. Химия. История. Биология. География. Всё — «живое»: география — с походами, история — с раскопками, физика и химия — с прикладными телодвижениями в реальной жизни. Языки? Да, но не просто русский и английский, а *сравнительная лингвистика*. И тогда понятно, что третий и четвёртый язык — это не только нетрудно, но и интересно. И свой родной будет освоен добротней, ибо сознательней.

Четвёртый блок — *методологический*. Как мы мыслим? Спорим? Доказываем? Проектируем? Ставим и решаем задачи и проблемы? Этот блок — для тех, кто постарше, и опирается он на опыт живой деятельности и её рефлексии.

Наконец, пятый — *культурологический*. Мы должны знать о множественности и равноправии видов культур и субкультур, типов мышления, менталитетов. И не просто знать, а уметь вживаться в них, понимать «изнутри» их особенности — именно тогда перестанем бояться непохожего на привычное. В этом блоке должны быть культура и мышление, например, человека Античности и Средневековья, персонажа нового времени и, разумеется, нашего современника. Жители каменного века всех народов чем-то неуловимо отличаются от обладателей мобильных телефонов, не так ли?

Культура и мышление этноса. Армяне всех времён не похожи на чукчей, а китайцы — на евреев. С чего бы? Оказывается, этнос вписан в свой ландшафт и климат, в свою историю, окружён конкретными соседями — отсюда особенности языка, одежды, кухни, юмора, технологий и, как следствие, имиджа в целом и его отображения в сознании иных этносов. Сегодня, увы, как в кривом зеркале.

Конфессиональные культура и мышление. Мормоны — это кто? Ислам — это опасно само по себе?

Профессиональные субкультуры, их методология и мыследеятельность. Хакеры всех времён и народов не похожи на землеробов, те — на пастухов, а о врачах и солдатах вообще особый разговор. Почему трактористы встают и ложатся рано, а артисты — поздно?

Наконец, ценностные системы. Альтруисты. Фашисты. Экзистенциалисты. Какова их философия? Или вы считаете, что подrostку это знать не надо? Тогда он о фашистах узнает от фашистов, и рефлексия при этом пойдёт совсем другая; общечеловеческими ценностями как базовыми там пахнуть не будет. А рефлексия здесь важна первостепенно, ибо от неё зависит, от кого-чего мы помрём. И тем более она эффективна в нашей школе, где основана на реальной школьной жизни и на школьных (разумеется, гуманистических, экологических) ценностях. Так что, как ни кру-

ти, эта часть культурологического блока необходима, как и весь он в целом.

Зачем? Зачем все эти курсы логики и мусульманских обычаев? Кому нужны сходства и различия английских и итальянских слов? Да любому человеку, живущему в меняющемся мире, чтобы, попав в новое пространство — другую страну, незнакомое окружение, иную профессию, он обратился к приобретённому в школе аппарату понимания и адаптации, быстрее разобрался в обстановке и начал действовать безошибочно и эффективно. Чтобы жизнь была безопасна для него, а он безопасен для общества.

Смею полагать, что из школы должны выходить не победители олимпиад (хотя пусть себе побеждают при прочих равных условиях), не полуинвалиды с обрывками формул и цитат в гудящей от пустоты и усталости башке, а просто *нормальные люди*.

При нашей ещё не вполне утраченной амбициозности — странная мысль, не правда ли? **НО**